

Анализ понятия "упая" в контексте буддизма Махаяны

Научный руководитель – Оренбург Михаил Юльевич

Евлосева Фатима Хасановна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: katrine.grin@mail.ru

Упая (санскр.: upāya – “искусные средства”, пиньинь: fāngbiàn – “удобный”) занимает одно из важнейших мест в буддийской философии, особенно в учении школ Махаяны. Упая – инструмент учения, направленный на достижение практикующими Просветления. Целью настоящего исследования является рассмотрение упай в контексте буддизма Махаяны, её философского обоснования и герменевтического применения.

Концепция упай махаянской традиции буддизма является одной из центральных идей, необходимых для понимания воплощения идеала бодхисаттвы. Упая представляет собой доктрину «искусных средств», применяемых учителем для реализации сострадания (каруна), являющимся одним из двух качеств, образующих идеал бодхисаттвы.

Считается, что упая появилась вместе с буддизмом и сам Будда использовал её в своих наставлениях. Но именно в Махаяне эта идея получила полноценное философское осмысление и стала частью более широкой доктрины пути бодхисаттвы.

Одним из наиболее известных источников, раскрывающих суть упай, является Лотосовая сутра (санскр.: Saddharma Puṇḍarīka Sūtra, (Саддхармалундарика-сутра), пиньинь: miàofǎ liánhuá jīng), где Будда приводит притчу о горящем доме, демонстрируя, что ради спасения существ можно использовать любые методы, даже если они не соответствуют буквальной истине [1]. В Вималакирти-нирдеша сутре демонстрируется использование парадоксальных методов в наставлении, а сутры Праджняпарамиты подчеркивают, что подлинная упая возможна только в сочетании с мудростью (праджня).

Именно связь упай с мудростью (праджня) и состраданием (каруна) определяет специфику этой концепции. Упая не является средством обмана или «уловкой» (как принято переводить данный термин, что является значительным упрощением его содержания). Без мудрости применение упай может привести к обману и искажению Дхармы, тогда как в сочетании с глубоким уровнем сострадания она становится мощным инструментом духовного развития. Упая представляет собой метод реализации сострадания, лишь воплощенный в методиках и техниках, которые могут быть обманчивы на первый взгляд, но ведут к Просветлению. Это отражается в этическом учении Махаяны, удачно сформулированном в словах Шантидэвы: «Мудрость без сострадания пассивна, сострадание без мудрости слепо». Таким образом, этический аспект упай заключается в её соотношении с конечной целью – освобождением всех существ от страданий.

Практический аспект упай не менее разнообразен. В школах Махаяны существует множество ее интерпретаций: так, например, в уже упомянутой Лотосовой сутре Будда использует притчи и метафоры, чтобы донести содержание учения, объяснив сложные философские концепции через доступные образы, а для традиций школы дзэн-буддизма в качестве упай можно рассматривать коаны – вопрос или диалог, не имеющий логического смысла, а зачастую содержащий еще и парадокс, в традиции буддизма Ваджраяны – использование сложной системы ритуалов и визуализаций, где символические образы используются для ускорения духовного прогресса. Разнообразие форм методов упай демонстрирует гибкость буддийской педагогики, направленной на индивидуальное восприятие

ученика. Важно отметить, что выбор метода определяется уровнем духовного развития слушателя, что делает упай адаптивным инструментом образования.

Для дальнейшего более глубокого и детального анализа концепции упай нам нужно обратиться к тексту Лотосовой сутры, где ее содержание проиллюстрировано множеством притч, к которым мы впоследствии обратимся.

Лотосовая сутра была создана в Индии и, как и многие другие канонические буддийские тексты, сначала передавалась устно, а затем была записана. Точные сведения об авторе, месте или времени создания Лотосовой сутры до сих пор неизвестны. Парамартха (499-569 гг. н. э.) говорил, что существовало более пятидесяти индийских комментариев к Лотосовой сутре, но до наших дней дошёл лишь один индийский комментарий, и тот сохранился только на китайском языке. Этот комментарий, приписываемый Васубандху (ок. IV-V вв. н. э.), утверждает превосходство Лотосовой сутры над всеми другими, хотя современные учёные сомневаются в его подлинности.

Однако Лотосовая сутра приобрела значительное влияние в Восточной Азии и является священным текстом для многих буддийских школ Махаяны: Тяньтай в Китае, Нитирэн и Тэндай в Японии.

Существует три перевода Лотосовой сутры на китайский язык [4]. Впервые Лотосовая сутра была переведена на китайский в 286 г. н.э. Дхармаракшей (санскр.: Dharmarakṣa, пиньинь: Zhú Fǎhù, ок. 233-310) в период Западной Цзинь. Она состояла из десяти томов и двадцати семи глав. Следующий перевод был выполнен Кумарадживой (санскр.: Kumārajīva, пиньинь: Jīū mó luó shí, 344-413) в 406 г. и состоял из восьми томов и двадцати восьми глав. Дополненная Лотосовая сутра в семи томах и двадцати семи главах, переработанная версия текста Кумарадживы, была переведена Джнанагуптой и Дхармагуптой в 601 году н. э.

На данный момент существует единственный перевод Лотосовой сутры на русский язык под авторством А.Н. Игнатовича 1998 года, выполненного с китайского языка по рукописи Кумарадживы.

Комментаторская литература в отношении Лотосовой сутры не малочисленна и представляет собой отдельный предмет исследования. Самый древний известный комментарий на китайском языке, сохранившийся сейчас, принадлежит Даошэну (пиньинь: Dàoshēng, 355–434), ученику Кумарадживы [3, с. 3]. Для Даошэна центральным аспектом Лотосовой сутры является концепция Единой Колесницы.

Среди комментариев особое значение также имеют труды китайских и японских буддийских учителей. В Китае выдающийся буддийский мыслитель Чжи-и, (пиньинь: Zhìyǐ, 538–597), патриарх школы Тяньтай, создал фундаментальные работы «Таинственное значение Лотосовой сутры» и «Фразеологический комментарий к Лотосовой сутре», где он систематизировал учение сутры и разработал концепцию Единой Колесницы, утверждая, что все пути буддизма ведут к просветлению через учение Лотосовой сутры. В Японии выдающийся учитель Нитирэн (1222–1282), основатель одноименной школы, написал многочисленные трактаты, включая «Трактат о ступе заповедей», где он провозгласил Лотосовую сутру единственным истинным учением, а её мантру «Наму Мёхо Рэнгэкё» — универсальным методом спасения.

Наиболее известной, изложенной в Лотосовой сутре, является притча, раскрывающая содержание упай с помощью образа горящего дома. Так, в 3 главе Лотосовой сутры Будда, обращаясь к Шарипутре, рассказывает ему притчу о горящем доме [1, с. 121]. Кратко ее содержание можно описать следующим образом: в одном городе жил очень богатый старец. Он обладал несметными богатствами, в его доме было множество слуг. У старца этого было много детей. Однажды в его доме вспыхнул пожар, который охватил все комнаты. Когда старик это увидел, он встревожился и стал думать, как ему спасти детей. Он стал

кричать, обращаясь к ним, но дети были слишком поглощены игрой, не верили отцу и не подозревали об опасности. Тогда старец выдумал «уловку», чтобы вывести детей из горящего дома. Зная, как они любят редкие игрушки, он сказал им, что их ждут 3 повозки, запряженные баранами, оленями и быками. Тогда же дети выбежали из дома и спаслись, а отец подарил им всем одинаково большие и роскошные повозки.

Данная притча иллюстрирует сразу два специфичных и чрезвычайно важных аспекта. Начнем с первого, который отражает суть упай. Объясняя это притчу, нужно сказать, что старец, о котором здесь идет речь – это Будда, спасающий людей из горящего дома – Сансары [2, с. 84]. Несмотря на то, что в горящем доме много дверей, ведущих в различные комнаты, спасение возможно только через одну, ведущую к освобождению от пожара, или, иными словами, ведущую к Нирване. Дети, поглощенные игрой – это люди, застрявшие в колесе перерождений. Будда же, обладая безмерной мудростью, силой и свободой от страха, использует искусные средства, чтобы вывести людей из Сансары и тем самым спасти их. Это отражает неразрывную связь концепции упай со состраданием, так как упай один из методов реализации деятельности Будды и бодхисаттв, основанном на союзе мудрости и сострадания.

Второй аспект заключается в герменевтической трактовке упай. Сначала Татхагата проповедует о «трех средствах», чтобы направить всех живых существ, однако потом он использует лишь одно Великое средство (одинаковые повозки, подаренные всем детям), чтобы спасти их. Три вида повозок символизируют три традиционные яны (правакаяна, пратьекабуддаяна, бодхисаттвааяна), но в конечном итоге Будда даёт только одно высшее учение – Махаяну. Будда обладает дхармой Великой Колесницы, которую он способен дать всем существам, однако не все способны ее принять. Потому Будда выбирает для каждого то средство, которое он способен понять. Именно по этой причине Единая Колесница Будды и проповедуется в трех вариантах.

Следующей, представляющей интерес, является притча из 4 главы Лотосовой сутры [1, с. 138]. Краткое ее содержание таково: был один юноша, который пустился в бег, скрываясь от своего отца. Его отец был богатым человеком с множеством сокровищ и денег. Много лет сын скрывался от отца в разных странах, живя в нищете и затруднениях, однако спустя много лет случайно забрел в родную страну. Отец искал сына, но не найдя, поселился в одном городе. Он постоянно думал о сыне, с которым расстался более пятидесяти лет назад и лелеял надежду воссоединиться с ним, чтобы оставить ему все свои богатства в наследство. Однажды сын набрел на дом отца и, увидев его жизнь в роскоши, подумал, что здесь ему за свой труд ничего не заплатят и поспешно стал уходить. Но отец увидел и узнал сына. Он приказал привести его к себе, чем еще сильнее напугал юношу. Тогда отец придумал «уловку». Юноше поручили работу при дворе – убирать нечистоты. Отец, сменив одежду и прикинувшись надзирателем, стал сближаться с сыном. Он постепенно повышал юношу в должности, пока в один день не раскрыл ему правду. К тому времени замыслы сына возросли, а сам он перестал мыслить о себе жалким образом.

Трактовать данную притчу можно следующим образом: она отражает уже знакомый нам аспект духовного становления, так как существа не готовы сразу принять великое учение Будды, поэтому Будда медленно «вводит» их в содержание учения. Подобно отцу в притче, Будда скрывает свою истинную природу (Татхагатагарбха) до момента, когда ученики будут готовы к ее восприятию. В этом контексте притча символически изображает сюжет самой Лотосовой сутры, в которой раскрывается, что Будда не ушел в Нирвану, а отправился проповедать Дхарму по другим бесчисленным мирам.

Анализ упай в контексте буддизма Махаяны показывает, что она является неотъемлемым элементом буддийской философии. Будда и бодхисаттвы демонстрировали гибкость в методах наставления, используя разнообразные методики и практики, соответствующие

уровню восприятия их учеников. Перспективы дальнейшего изучения упай включают исследование ее этических границ и интерпретации в разных школах буддизма.

Источники и литература

- 1) Игнатович А.Н. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. – М: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. – 539 с.
- 2) Кеоун Дамьен. Буддизм. – М.: «Весь мир», 2001. – 176 с.
- 3) Kim, Young-Ho. Tao-Sheng's Commentary on the Lotus Sutra: A Study and Translation. – Albany, NY.: McMaster University, 1990 – 394.
- 4) Donald S. Lopez. The Lotus Sutra: A Biography [Текст] // New Jersey: Princeton University Press, 2016 – 272 с.